

Роль женщины в „третьем мире“ резко возросла за последние годы. В политике, общественной жизни, культуре голоса афро-азиатских женщин звучат все смелее и самостоятельнее. Со страниц рассказов, которые мы здесь публикуем, перед читателем возникают образы африканских женщин — наших современниц. Рассказы переведены с английского ВИКТОРОМ РАМЗЕСОМ.

Элизабет

ГРЕЙС ОГОТ

РОВНО в восемь утра Элизабет отворила дверь конторы. Теперь она будет служить здесь. Тут же зазвонил телефон, и она поспешно сняла трубку.

— Алло!

— Это секретарша мистера Джимбо?

— Да, к вашим услугам! — Зажав трубку подбородком, Элизабет вытянула из ящика блокнот и карандаш.

— Соедините меня с шефом.

— К сожалению, его еще нет. Позвоните, пожалуйста, через полчаса.

— Хорошо! — Раздалась короткая гудка. Элизабет в сердцах бросила трубку — даже не назвал себя!

Дверь, ведущая в кабинет мистера Джимбо, была приоткрыта. Элизабет заглянула туда. Просторная комната с огромным письменным столом красного дерева и пушистым зеленым ковром на полу. Жалюзи на окнах подняты — значит, с утра в кабинете не бывает солнца. На столе, где все разложено в строгом порядке, фотография красивой женщины с двумя ребятишками. Подобно часовому на посту, фотография охраняла кабинет. Рассмотрев фотографию, Элизабет поставила ее на место, вернулась в приемную и, подойдя к небольшому окну, выглянула на запруженную машинами мостовую.

Интересно, долго ли она удержится на новом месте? Это уже третье всего за полгода. Четыре месяца она прослужила в большом американском офисе, потом поступила секретаршей к англичанину в оптовую торговую фирму. Босса больше интересовали ее женские достоинства, чем деловые качества. Промучившись два месяца, Элизабет ушла, никого не предупредив.

На новом месте ей предложили всего семьсот девяносто фунтов в год, хотя раньше она получала восемьсот пятьдесят...

Шаги на лестнице вывели Элизабет из задумчивости. Она вернулась к своему столу и заправила в машинку лист бумаги. Дверь отворилась, и на пороге появился мистер Джимбо.

Кенийская писательница Грейс Огот родилась в 1930 году, получила образование в Уганде и Англии. Постоянно сотрудничает в кенийских газетах и журналах. В 1966 году в Найроби вышел в свет ее роман «Земля обетованная», в 1968 году — сборник рассказов «Земля без грома».

— Доброе утро, сэр! — Элизабет вскочила и распахнула перед ним дверь кабинета. Шеф смерил ее долгим взглядом с головы до пят и тяжело плюхнулся в кресло-качалку. Элизабет неслышно прикрыла дверь и принялась стучать на машинке.

Но вскоре раздался звонок, на внутреннем телефоне зажглась зеленая лампочка. Элизабет сняла трубку.

— Зайдите, я продиктую вам письма.

— Слушаю, сэр. — Она подхватила блокнот для стенографии, карандаш и вошла в кабинет.

— Садитесь.

На столе у шефа зазвонил телефон, мистер Джимбо небрежным жестом снял трубку и откинулся в кресле. Элизабет украдкой разглядывала нового босса. Ему было около сорока. Высокий, темный, с маслянистой кожей. Лицо пышет здоровьем, аккуратный пробор. Зубы такие белые, что кажутся искусственными. Когда он обращался к ней, в гулком, уверенном голосе сквозили отеческие нотки. Как будто не из тех, кто волочится за каждой юбкой... Но нельзя обольщаться, время покажет.

— Итак, жду вас с супругой к восьми часам. До скорого!

Шеф положил трубку и начал диктовать.

К одиннадцати Элизабет отпечатала целую кипу писем и понесла их мистеру Джимбо на подпись. Он недоверчиво прищурился:

— Что-то слишком быстро!

Элизабет улыбнулась и вышла. Ее предупредили, что у мистера Джимбо работы очень много, но она не сомневалась, что справится. К 12.15 она убрала все со стола и отправилась обедать.

В понедельник к мистеру Джимбо пришла очень милостивая посетительница. Лиз где-то видела это лицо, но где — не могла припомнить. Женщина была высокая и стройная, кожа цвета шоколада с молоком, изумительная прическа.

— Он занят? — спросила она осторожно.

— Да, идет совещание. Как ваше имя? Я общу по внутреннему телефону...

— Я его жена. — Женщина добродушно улыбнулась.

— Теперь я вспомнила, где вас видела, — на фотографии в кабинете! Присаживайтесь, миссис Джимбо. Я доложу о вас.

Лиз нажала кнопку и зашептала над трубкой:

— Пришла ваша жена — пусть подождет?

— Нет. Я сейчас к ней выйду. — В трубке щелкнуло, и Лиз не успела рта раскрыть, как мистер Джимбо появился на пороге.

— Прости, Ами, дорогая. У меня совещание. Шофер отвезет тебя домой, а я позвоню, когда освобожусь.

— Хорошо, буду ждать! — И повернувшись к Лиз, женщина снова улыбнулась. — Спасибо!

Вид у Ами Джимбо был довольный, сияющий. Лиз верила в счастливые браки и втайне надеялась, что и ей повезет. Она вздохнула — вспомнила о своем женихе, который уехал учиться в Америку. Потом, отогнав грустные мысли, вновь принялась за работу.

Быстро промелькнули недели, месяцы, наступило рождество. Элизабет с двумя подругами отправилась на праздники в Момбасу. Они купались, нежились на горячем песке, объедались лакомствами и писали длиннющие любовные письма. Лиз грешно было бы гневить бога, он внял ее мольбам: люди, с которыми она работала, относились к ней с уважением. Ни мистер Джимбо, ни клерки не посягали на ее женское достоинство. Правда, работать приходилось много, иной раз она засиживалась допоздна. Оставаться одной в конторе вечерами бывало страшно. Но Джимбо неизменно служил Лиз утешением — он держался с ней безупречно. Однажды он сказал:

— Не хотелось бы отпускать вас одну домой так поздно, но и подвезти вас не решаюсь. Пойдут сплетни, вас оговорят ни за что ни про что. А у вас вся жизнь впереди. Берегите свое доброе имя, дитя мое.

Девушки вернулись из Момбасы ночным поездом во вторник утром и прямо с вокзала отправились на службу.

В Найроби предстояла международная конференция, и стол мистера Джимбо был завален бумагами. Лиз задерживалась в конторе каждый вечер. Мистер Джимбо приказал сторожу никуда не отлучаться, чтобы ей не было страшно.

Субботний день выдался особенно жарким. Лиз взглянула на часы: половина второго. Надо поторопиться, чтобы не опоздать к обеду. Но тут в дверях вырос мистер Джимбо. На его лице играла широкая улыбка.

— Бедная девочка — все еще работает. Оставьте что-нибудь на понедельник!

— Спасибо, сэр. Я уже собралась уходить. Кончатся конференции — тогда отдохну.

Джимбо прошел в свой кабинет, а Лиз подхватила сумочку и журналы и направилась к двери.

— Я ухожу, сэр.

— Одну минуту. — Он листал какие-то документы. Оторвавшись от них, взглянул на нее:

— Помогите мне одолеть мой завтрак — тут так много, одному не справиться.

Лиз решила отказаться. Ведь мистер Джимбо предлагал это лишь из вежливости...

— Спасибо, сэр. Меня ждут с обедом в общепитии.

— Не спорьте, прошу вас!

Лиз вошла в кабинет и присела на диван. Ей не хотелось показаться неучливой, ведь шеф так мил с ней. Но ее настораживала его настойчивость. Он пододвинул к ней еду, она взяла сэндвич с яйцом. Внезапно шеф тяжело вздохнул и уселся рядом:

— Я доволен вами, моя девочка. С тех пор как вы здесь, все переменялось. Как много завидует от хорошей секретарши! — Он замолчал и потянулся за сэндвичем.

— Спасибо, сэр. Я тоже очень довольна. С вами легко работать. — Она отпрянула от шершавого прикосновения твидового пиджака.

— Рад это слышать. Меня одно лишь беспокоит, дитя мое, — он коснулся бриллиантового обручального колечка на левой руке Лиз: — Не хотелось бы вас потерять.

— Ах, сэр! До свадьбы по меньшей мере два года, всякое еще может случиться.

— А кто же этот счастливчик? Чем он занимается?

— Все еще учится... — В голосе Лиз прозвучала досада.

— Настоящий баловень судьбы. Вы такая работающая, такая женственная, прелестная. — Тяжелая рука плотно облегла тонкую талию Лиз.

— О, пожалуйста, сэр. Пожалуйста, не надо... — Она вырвалась и вскочила на ноги.

— Послушай, Лиз! — мистер Джимбо почти кричал. — Я не сделаю тебе ничего дурного — клянусь!

Он смотрел на нее горящим взором. Лиз стало не по себе. Не хватало воздуха.

— Пожалуйста, сэр, — позвольте мне уйти. Я помолвлена. Подумайте о своей жене, детях. — Ее душили слезы.

— Ну, успокойся — нас могут услышать. Я не сделаю ничего дурного, — твердил он, а сам тем временем запирает двери и совал ключ в карман пиджака.

Она юркнула за стол, потом метнулась к окну, опять к двери и снова к столу. Джимбо поймал ее и потащил к дивану. Он искал ее губы, но девушка сжалась в комок, зарыла лицо в юбку.

— Лиз! — Он целовал ее уши, шею, руки. — Ты так прекрасна, — шептал он. — Кожа у тебя гладкая и нежная, как лепестки розы. Я не сделаю ничего плохого — обещаю!..

Лиз пробовала высвободиться, но силы покинули ее. Все это было похоже на дурной сон...

Подкралась сумерки. Подушка Лиз была влажной от слез. Скомканная фотография жениха валялась на полу. Медленно поднявшись, девушка подошла к окну. Город точно вымер, улица пуста. Только изредка проедет автомобиль.

Лиз задернула занавески. Городская жизнь не для нее. Вряд ли она когда-нибудь привыкнет к городу. Она тосковала по своему деревенскому дому, по дружной большой семье, в лоне которой чувствовала себя в полной безопасности. Достав целлофановый мешочек с туалетными принадлежностями, она побрела в ванную. Ее мир рухнул, распался на части, на душе было горько и тоскливо.

В понедельник рано утром Лиз вместе с подругами вышла из общежития. Но вместо того чтобы сесть в автобус, она пошла пешком через парк к вокзалу. К восьми часам она уже была на бирже труда. Сотни женщин, старых и молодых, ждали открытия. Седовласые старухи сидели кружком и негромко разговаривали. Печали и тяготы оставили неизгладимые борозды на их лицах. Сердце Лиз сжалось от сострадания.

Толпа все увеличивалась, невеселые лица напомнили Лиз верующих, молившихся в битком набитой деревенской церкви. Тогда она еще была ребенком... Бог, должно быть, отвернулся от нее, грешной...

Кто-то опустил Лиз руку на плечо, она вздрогнула и резко повернулась.

— Лиз, ты что здесь делаешь? Пойдем-ка.

Она прошла за миссис Кимани в ее кабинет за перегородкой и села на предложенный стул.

— Неужто снова без места?

Элизабет молча кивнула.

— А что стряслось в этот раз?

Элизабет продолжала молчать.

Миссис Кимани, женщина средних лет, работала на бирже давно, и ей нетрудно было догадаться, что произошло с Лиз.

— Ну, дитя мое, не буду у тебя выпытывать, что случилось. Сердце разрывается, как подумаешь, чего не приходится терпеть женщине в этом городе! Стыд и позор! Видишь вон тех девушек? Это все секретарши и стенографистки, которые ищут работу.

Лиз взглянула в острые, пронизательные глаза миссис Кимани:

— И я к вам с тем же. Найдите мне новое место, пусть я буду получать вдвое меньше.

— Лиз, ты же одна из лучших секретарш в городе! Попробуем теперь религиозные учреждения. Не падай духом, девочка!

Славная женщина была миссис Кимани, скольким девушкам она помогла устроиться! Она очень нравилась Лиз.

— Ма, помните, что вы говорили в прошлый раз? Что моим шефом будет африканец, а это совсем другое дело. Что он сознает свою ответственность перед страной. А на поверку — ничем он не лучше белых. Боюсь, что и с религиозными учреждениями ничего не получится. Я убедилась — все мужчины одним миром мазаны!

— И все-таки попробуем. Я позвоню в одно место, а ты зайдешь туда сама. Дай мне знать, чем кончится дело.

В конце недели Лиз получила низкооплачиваемую должность в маленьком сиротском приюте. Работа требовала выдержки и терпения. Сестра Елена, монахиня, возглавлявшая приют, приказала ей коротко остричь ногти. Девушку облачили в белый халат, белую косынку и туфли без каблучков. Взглянув в зеркало, Лиз с трудом узнала себя, поправивла выбившиеся из-под косынки волосы и вслед за сестрой Еленой прошла в большой зал, где играли дети. Одни лепили из глины, другие рисовали, а самые маленькие что-то строили из кубиков.

— Бедняжки лишены материнской любви и тепла, — тихо говорила Лиз монахиня. — У других детей есть отцы и матери, братья и сестры, а у этих — никого! То, что мы им дадим, они запомнят на всю жизнь.

Тридцать пар глаз настороженно уставились на Лиз, и слезы затуманили ей взор. Чему она их может научить? Она сама запуталась, сбилась с пути... Но, может быть, как раз среди невинных детишек она обретет утешение, мир и покой. Они взирали на нее с мольбою. «Наше будущее в твоих руках, дай нам любовь, которой мы не знали», — читала она в этих глазах.

Лиз справилась с волнением и сказала:

— Сестра, вы делаете большое, благородное дело. Я буду стараться, ничего не пожалую.

Но уже к концу первой недели Лиз была близка к отчаянию. Дети словно оцетинились, не слушались ее, грубили. Она подумывала о том, чтобы вновь обратиться к миссис Кимани, но не хватило духу. Прошел месяц, и дети привыкли к Лиз. Их трогательная привязанность обезору-

живала девушку. Малыши так нуждались в ней! Она молила бога дать ей сил.

В середине июня Лиз вдруг слегла. Сестра Елена заботливо ухаживала за ней. Но прошел день, другой, девушке становилось все хуже, пришлось отвезти ее в больницу.

В больнице она провела три беспокойные ночи. Лишь на четвертый день стало лучше, и монахиня разрешила навестить больную. Сестра Елена ждала ее ладонь в своей и отвернулась:

— Элизабет, доктор сказал мне, что у тебя будет ребенок...

Сердце молодой женщины учащенно забилось, ее бросило в жар. Неужели она беременна? Монахиня поглядывала на нее с упреком. «Одним сиротой станет больше!» — говорил этот взгляд.

К тому времени, когда Лиз выписали из больницы, она уже приняла решение. Рано или поздно ее прогонят из приюта. Жених, которого она нежно любит, не простит ей. И домой, к родителям и бабушке, она не посмеет вернуться. На работу беременных не берут. Внезапно в памяти встало лицо Ами Джимбо — впервые она подумала о ней. Счастливая, довольная, обеспеченная — полная противоположность Лиз! Нет, это несправедливо! Джимбо, который так бесцеремонно поступил с нею, с Лиз, обрек на позор и нищету, собственной жене, наверное, кажется ангелом!..

После обеда, уложив детей, Лиз отправилась в парикмахерскую.

— Глаза у вас блестят. На свиданье собираетесь? — спросила мастерица, делавшая ей укладку.

— Да, — шепотом ответила Лиз, откинувшись в кресле и зажмурившись.

— Вы красавица — ему повезло!

— Спасибо. Он тоже очень красивый и добрый.

Ее резанула горькая ирония собственных слов. Вечером Лиз объявила сестре Елене, что проведет выходной у родственников. Попрошавшись с монахиней, она пошла на автобусную остановку.

Дома у мистера Джимбо никого не оказалось — уехали, наверное, кататься с детьми, а слуг отпустили.

Лиз стояла у калитки, пока у нее не оконечили на ветру ноги. Собирался дождь. Во дворе рядом с гаражом она заметила сарайчик. Дверь в него была открыта. Вытащив из сумки блокнот, она написала на листке: «Приехала повидаться с вами, на улице холодно, решила обождать в сарае. Элизабет». Записку прикрепила к дверной ручке.

Семья Джимбо вернулась домой на закате.

— Кто-то был у нас, — сказала Ами, развертывая записку. Потом прочла ее вслух. Мистер Джимбо вырвал записку из рук жены. Он хотел что-то сказать, но изо рта вырывались лишь несвязные звуки. Он метнулся к сараю. Жена и дети недоуменно глядели ему вслед.

Джимбо распахнул дверь, ноги у него подкосились. Лиз раскачивалась в петле из красного шарфа.

— Скорее, Ами, звони в полицию. Несчастный случай!

«Я тут ни при чем, мне нечего бояться, — лихорадочно думал Джимбо. — Только не отразилась бы эта история на делах фирмы!..»

Узнав о смерти Лиз, сестра Елена отнесла в полицию ее записную книжку. И хоть церковь осуждает самоубийц, монахиня искренне скорбела о несчастной девушке.